

Мартьянов, В.С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Вып. 1, с. 61–82.

УДК 323:316.47:177.7

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.6182

ДОВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ ПОЗДНИМ МОДЕРНОМ И НОВОЙ СОСЛОВНОСТЬЮ?

Виктор Сергеевич Мартьянов

кандидат политических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: martianovy@rambler.ru

Материал поступил в редколлегию 17.01.2017 г.

Автор статьи исходит из базовой гипотезы, что в позднемодерных обществах растет роль межличностного доверия, которое является фундаментальным условием успешной реализации стратегий органической модернизации, проектов развития общества *открытого доступа*, создания *инклюзивных институтов*, роста постматериальных ценностей и социального капитала граждан, общего снижения транзакционных издержек как все более значимых неэкономических факторов дальнейшего становления современных обществ. Указанные тенденции реализуемы в фоновых условиях доминирования рыночных обменов и сильной гражданской среды. Показано, что в российском контексте периферийный рынок, сложившийся под влиянием реформ в 1990-х гг., парадоксальным образом не создал, а, наоборот, разрушил у большинства населения ценностно-институциональную основу для формирования современной модели межличностного доверия. Тенденции огосударствления общественной жизни связаны с сокращением среднего класса и современных социальных групп, черпающих автономию и ресурсы преимущественно в рынке и гражданских структурах. В условиях реализации модели выживания автономия рыночных обменов сужается на фоне укрепления иерархических механизмов распределения государством сократившихся ресурсных потоков. В результате в социальной стратификации общества происходит рентно-сословный сдвиг. Рентно-сословные элиты выстраивают социально-политическую конфигурацию, в которой граждане, в массе своей не доверяющие друг другу, компенсируют взаимное отчуждение доверием к государству и его агентам, образуя специфический антимодерный консенсус как основу социального порядка. При этом люди со значимым социальным капиталом не проявляют высокого доверия к российским институтам, одновременно показывая больший уровень межличностного доверия. Расхождение типов доверия в разных социальных группах указывает на принципиальный разрыв. Это конфликт между наиболее модернизированной частью общества со своим видением организации социально-политического порядка и элитами, ищущими опоры для рентно-сословного социального порядка у целенаправленно поддерживаемых ими до- и антимодерных социальных групп. Данное противоречие представляется наиболее

вероятным катализатором будущих социальных трансформаций российского общества, проявляясь в экономическом, культурном, поколенческом и географическом измерениях.

Ключевые слова: антимодерный консенсус, государство, доверие, конфликт, модернизация, постматериальные ценности, рынок, социальный капитал, стратификация.

Спад доверия в России и кризис политического проекта Модерна.

Общество не может существовать без скреп доверия, то есть без признания добросовестности, предсказуемости, честности, солидарности других людей. В противном случае отказ от взаимозависимости, от необходимости постоянной координации индивидуальных выгод и коллективных благ оборачивается войной всех против всех: «...власть, господство и насилие могут в этом смысле на какое-то время решить проблему социального порядка, организации разделения труда и всего с этим связанного, но они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе. Такие аспекты социальной организации, как структурирование основных рынков общества (власти, престижа и богатства), конструирование и определение общественного блага ... покоятся во всех обществах – от досовременных до наиболее постсовременных – на взаимодействии принуждения и согласия, рынка и сообщества, на инструментальных и аффективных обязательствах, а значит, и на господствующих определениях, границах и мере доверия в обществе» [Селигмен 2002: 7]. Закрепление доверия является важной составной частью всех механизмов социальной регуляции, будь то мораль, право, политика, экономика, культура и т.д. Новые способы установления и поддержания доверия в условиях становления дюркгеймовской *органической солидарности* формируют саму специфику Модерна как политического проекта. Наконец, доверие тесно связано с повседневностью, содержанием быстро меняющихся индивидуальных и коллективных смыслов, привычек, практик и коммуникаций, в совокупности детерминирующих важные трансформации порядков современных обществ. Более того, в условиях позднего Модерна (Late Modernity) все большее значение приобретают не столько располагаемые им материальные ресурсы (труд, сырье, инфраструктура, средства производства и т.д.), сколько человеческий и социальный капитал, важнейшей составной частью которого является доверие. Социальный капитал создается и отдельными людьми, и, в большей части, культурой и институтами данного общества. Это капитал, накопленный поколениями и относительно автономный от отдельных людей, позволяющий им более эффективно использовать свои возможности и ресурсы. Ценность человеческого капитала растет в эгалитарных, демократических обществах именно потому, что в них достигнуто высокое равенство индивидуального доступа к общим институциональным ресурсам и общественным благам. Соответственно социальная дифференциация общества начинает активней генерироваться посредством человеческого капитала.

Огромный вклад в этот капитал вносит культура доверия, так как сама возможность рыночных коммуникаций характеризуется широким априор-

ным доверием к незнакомцам, что исключалось предшествующими традиционными культурами. Высокое межличностное доверие в обществе статистически коррелирует с более высокими показателями экономического роста, инвестиций, здоровья и образования граждан [Algan, Cahuc 2010]. Благодаря культивированию среды доверия современные общества снижают *транзакционные издержки* в экономике и генерируют дополнительные культурные и институциональные преимущества в условиях *текущей современности* (З. Бауман). Как отмечает Б. Ротштейн, уровень доверия в обществе напрямую зависит от взаимных ожиданий людей относительно общепринятых социальных норм поведения [Ротштейн 2017]. При этом особое значение имеют публичные образцы поведения представителей элиты, лидеров и должностных лиц всех уровней, которые в существенной степени влияют на поведенческие нормы большинства населения. Более того, должностные лица олицетворяют институты государства, определяют своими практиками уровень не только межличностного, но и институционального доверия в обществе, влияя собственными примерами на ожидаемое по умолчанию поведение других.

Однако расширение регулятивной роли доверия в современном обществе обуславливает и рост возможностей злоупотребления этим доверием, превращая его в *общество риска* (У. Бек), поскольку любые *горизонты* и *авансы доверия* не тождественны конечной уверенности в действиях других, обладающих свободой воли. В современном обществе впервые базовая культура недоверия к незнакомцам уступает доминирующие позиции культуре широкого доверия. Впрочем, указанная тенденция расширения межличностного и институционального доверия характерна для обществ, находящихся в центре капиталистической миросистемы (КМС), в которых преобладают рыночные коммуникации. У обществ, находящихся или смещающихся в сторону экономической, политической, культурной периферии КМС, и на уровне институциональной организации, и на уровне динамики ценностей скорее преобладают процессы, усиливающие культуру недоверия как основу взаимодействия людей. В обществоведческих теориях это проявляется в усилении релевантности концепций, описывающих подобные общества в альтернативных Модерну категориях, таких как *закрытый доступ* (Д. Норт), *эсклюзивные институты* (Д. Аджемоглу), *архаизация* (А. Ахиезер), *властесобственность* (Ю. Пивоваров), *силовое предпринимательство* (В. Волков), *неопатримониализм* (В. Гельман, А. Фисун), *сословность* (С. Кордонский), *мобилизация*, *рентное распределение* и т.д., мейнстримные же теории, связанные с апологией взаимосвязи *прогресса, демократии, рынка, свободы индивидов* и расширения *доверия*, оказываются все менее работающими в социокультурных условиях *модерных обществ с отклонениями*. (На примере России этот тезис в контексте проблемы трансформации сферы межличностного доверия будет рассмотрен ниже более подробно.)

Тем не менее в любой ценностно-институциональной перспективе генерализованное доверие создает комфортную среду для эффективных коммуникаций и решений, часто опережающих формализованный правовой инструментарий их гарантирования. Все больший экономический вес

приобретают сами люди с их социальным и человеческим капиталом, поэтому государственные аппараты и национальные элиты постепенно теряют свой статус исторического авангарда прогресса. В условиях перманентной органической модернизации позднемодерных обществ автономным субъектом прогресса становится каждый гражданин, а эффект развития, которое не сводится только к экономическому измерению, складывается во множестве социальных микровзаимодействий без прямого вмешательства дистрибутивного государства, изымающего и перераспределяющего общественные ресурсы. Избыток ресурсов, который можно направить на инновации, извлекается не только и не столько государством, сколько всей системой рыночных обменов, направленных на получение прибыли и ее бесконечное реинвестирование.

В данном контексте представляется, что исходный ценностный и институциональный кризис советского общества не в последнюю очередь был подспудно подготовлен именно «вызреванием» и все большим превалированием в позднем советском обществе рефлексивных кантианских индивидов, отваживавшиеся пользоваться собственным разумом, которым становилось все более тесно в рамках советской модели личности, производимой и контролируемой разного рода и уровня коллективами [Хархордин 2002]. Нарастающая проблема советской модели модернизации заключалась в следовании уже устаревшим образцам раннеиндустриального общества, чрезмерной централизации и унификации общественных и управленческих процессов, сковывавших социальную инициативу граждан и общую способность общества к самоизменениям. В результате наблюдаемый зазор между фактически переходной моделью форсированного воспитания советской личности в бывших крестьянах по макаренковскому методу всеобщего надзора за всеми, практикой публичных обсуждений и покаяний – и усложняющейся реальностью современного общества постоянно рос, будучи ничем не компенсированным. Смена поколений, резкий подъем уровня образования, общее изменение социальной структуры, превалирование урбанистического образа жизни привели к закономерному усилению индивидуализма, к превращению советских идеологических коллективов (октябрята, пионеры, комсомольцы, коммунисты; профсоюзы, трудовые собрания, советы депутатов разных уровней), являющихся, по сути, *модернизированными общинами*, во все более архаичную и неработоспособную институциональную среду.

Устаревшая советская модель коллективности вошла в противоречие с запросами к индивиду, выдвигаемыми *обществом риска*, или позднего Модерна, – это прежде всего автономия, критическое мышление, ответственность за индивидуальные риски, личный выбор и свою судьбу как обратная сторона расширяющегося пространства индивидуальной свободы. Модернизационные резервы коллективной автономии, связанные с государством, партией, профсоюзами и иными директивными формами организации коллективного действия, были реализованы. Дальнейшие ресурсы общественного развития следует искать уже не в форсированной и/или догоняющей, а в органической модернизации, характеризующейся расши-

рением свободного взаимодействия и субъектности самих граждан в условиях высокого фонового индивидуального и институционального доверия как эффективной среды развития человеческого и социального капитала. Таковыми являлись идеалистические цели реформ, призванные увеличить автономию граждан, расширив пространство рыночных коммуникаций и автономию рынка, раскрепостив предпринимательскую инициативу и т.д.

Однако по прошествии четверти века специфика современной России заключается в том, что рыночные обмены, несмотря на все предпринятые реформы и трансформации общественного строя, так и остались на периферии ее экономической системы. В настоящее время фактически 71% расходов ВВП вновь контролируется государством и его агентами [Едовина 2014]. *Периферийный рынок, сложившийся вследствие реформ 1990-х и последующих лет, парадоксальным образом не создал, а, наоборот, разрушил у большинства населения основу для формирования современной модели доверия.* Неудачи и с автономным экономическим, и с политическим рынком обусловили сокращение институционального доверия как фундамента доверия межличного. Тем не менее широкое современное доверие большей частью продолжает довольно прямолинейно соотноситься не с гражданским обществом, а именно с рынком. Здесь экономикоцентричное неолиберальное тождество рынка и демократии во многом оказывается утопией, возвращающей к раннебуржуазным представлениям о безусловной благотворности рынка для общества. Между тем уже марксисты XIX в. подчеркивали отчуждающий и эксплуататорский характер зрелого индустриального капитализма и рынка, разрушающий доверие вне ограничивающих его внешних регуляторов, связанных со структурами гражданского общества, демократией и государством. Либеральная модернизация обернулась воспроизводством новых сословий (С. Кордонский), ресурсной модели государства и традиционных иерархических, нерыночных институтов *раздатка* [Бессонова 2008]. Российская *периферийная демократия* утратила свои процессуальные метафоры легитимации, связанные с рынком, в пользу иных источников легитимации, соотносимых с функционированием ее институтов как иерархизированного механизма рентно-сословного доступа граждан к ресурсам [Мартьянов 2016]. Расширение сферы неформальных и неопатримониальных сетей социально-экономических взаимодействий, действующих параллельно и помимо легально-формальных институтов, закономерно привело к практике двойных стандартов, двоемыслию, расслоению генерализованной морали на локальные варианты сословных этик и снижению общего уровня доверия в обществе.

Возможности российской рыночной системы, возникшей в результате противоречивой экономической реформы, оказались недостаточными для включения в нее значительной части населения, которая либо не смогла приспособиться к рынку, либо встроилась в более выгодные патрон-клиентские и рентно-сословные цепочки распределения ресурсов, связанные с государством, либо просто не была востребована в новой экономической ситуации, образуя растущие социальные группы *лишних людей* (безработные, прекариат, сезонные рабочие и др.). Для них не осталось ничего

иною, как связать ресурсы своего выживания с теневой экономикой, невидимой для официальной статистики, – с дачным хозяйством, *промыслами, отходничеством, гаражной экономикой*, с теневой и криминальной сферой и т.п. Соответственно возрастает релевантность описаний текущего состояния в категориях, характерных для обществ с господством редиистрибуции, то есть феодальных, неопатримониальных или рентно-сословных. (Под рентно-сословным обществом в данном случае подразумевается идеально-типический способ институциональной организации и структурирования общественных практик, а не воспроизводство когда-то имевшейся исторической реальности.)

Результатом демодернизации социального пространства общества является снижение доверия людей к социальным институтам, которое компенсируется вынужденным поиском опоры на неформальные межличностные связи ближайшего окружения. В итоге происходит «капсулизация, то есть замыкание доверия только на личностном (родственном) уровне, отчуждение от официальных структур» [Тощенко 2014: 157]. Реципрокные и дистрибутивные социальные связи вновь начинают расширяться в сравнении с рыночными, а экономические классы, формируемые рынком, вытесняются социальной стратификацией в виде статусных рентных сословий, что само по себе ограничивает объем социального капитала граждан. Если в трудной ситуации в 1990 г. *только на себя* рассчитывали 20% опрошенных, то в благополучном 2012-м – уже 40%, *опоры на друзей и родственников* в 1990 г. искали бы 25%, а в 2012-м – 54%. Параллельно уровень потенциальных обращений граждан в критической ситуации к помощи государства упал с 15% до 4% [Тощенко 2014: 156].

Таким образом, пространство рыночных обменов, предполагающих априорное доверие автономных индивидов к общественным институтам и широкому кругу незнакомцев, еще и не сформировавшись в полной мере, начинает замещаться дарообменными (близкородственными) и редиистрибутивными, распределительными моделями социальной коммуникации. Эти модели существенно ограничивают возможности и эффективность любых сложных инициативных взаимодействий в условиях периферийного капитализма [Мартьянов 2014]. Отсюда возникает затруднительность какого-либо эффективного коллективного действия в любых сферах общественной жизни, не санкционированного государством.

В результате в новейшей России накопленный капитал доверия к советской институциональной системе был растрачен, а новый, сложный, тип современной социальной солидарности, сопутствующий структурно-функциональной дифференциации и автономизации разных подсистем общества, не возобладал. Произошла скорее *институциональная инволюция* общества, когда общественные изменения обусловили рост недоверия к любым социальным инстанциям, выходящим за пределы социальных микрогрупп: «...типичный “Homo post-soveticus” – это агент, характеризующийся низкой степенью рациональности, высокой степенью следования личному интересу, инвестиционной близорукостью и поведенческой несамостоятельностью... все описанные характеристики поведения в той или

иной степени приводят к “разделению на чужих и своих” и, следовательно, к координации хозяйственных отношений через семейно-клановые связи (а не через безличностный рыночный обмен) [Розмаинский 2007: 38]. В итоге формируется институциональная среда *недоверия*, не позволяющая поддерживать более эффективные институты и модели поведения, базирующиеся на долгосрочных взаимных интересах и выгодах, соблюдении законов и контрактов, вложениях в основную и человеческий капиталы.

Доверие сжимается до круга родственников и кланово-семейных связей, а структура социального капитала приобретает домодерные черты. *Межличностное доверие начинает превалировать над институциональным*. Фактически это означает слабость современной идентичности, связанной с органической солидарностью большого общества (город, регион, нация, страна, человечество), и приоритет малых социальных групп, в которых установление доверительных отношений становится своеобразной формой возврата к ограниченным и стратифицированным моделям функционирования социального капитала. В России, согласно шестой волне опросов 2010–2014 гг. «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey, WVS), склонны верить большинству людей 27,8% населения, не доверяет большинству 66,2%, что в целом сопоставимо со среднемировыми значениями [World Values Survey...]. В отношении доверия людям, которых респонденты знают лично, эта доля возрастает до 82,2%, в отношении же незнакомцев резко падает до 20,4%. Таким образом, факт личного знакомства в серьезной степени определяет уровень доверия, что косвенно свидетельствует о низком уровне институционального доверия, как правило, обеспечивающего доверие к незнакомцам. В результате сложные современные институты, рассчитанные на доверие государства к гражданам, на их оценку в качестве автономных субъектов, работают все менее эффективно. *Широкое институциональное доверие, характерное для современных обществ и рыночных обменов, замещается локальными сетями межличностного, неформального доверия*. При рентно-сословном порядке происходит легализация неравноправного взаимодействия и неравных возможностей потенциальных участников коммуникаций по поводу ограниченного ресурса, на который они претендуют. Указанные тенденции входят в системное противоречие с расширяющимися кругами доверия в позднемодерных обществах как условием роста их экономического и социального капитала, с усилением постматериальных ценностей самореализации, эффективных в постиндустриальной экономике.

В целом универсалистская позиция Р. Инглхарта, предсказывающего неизбежное движение общества к постматериальным ценностям, в том числе автоматический рост доверия, остается уязвимой для критики культурологического толка. В межличностном доверии опыт конкретного человека и его выбор играют не слишком большую роль в создании общей ситуации и стандартов доверия, зависимых от культуры, истории, уровня экономики и иных факторов влияния, переплетающихся в конкретном обществе. Поэтому межстрановые сравнения уязвимы тем, что имеют массу исключений из всеобщих тенденций, обусловленных особенностями

культурно-исторических процессов в разных обществах. Ряд исследователей ставят под сомнение распространенный постулат о взаимосвязи демократии, увеличения среднедушевого ВВП и роста межличностного доверия [Рукавишников, Халман, Эстер 1998: 155]. И эта гипотеза действительно выглядит довольно надуманной при обращении к реальным межстрановым сравнениям. В частности, по данным ежегодного международного *барометра доверия*, составляемого компанией «Эдельман», в 2016 г. глобальный уровень институционального доверия равняется 50% (в России – 39%), а среди наиболее образованной и экономически активной группы населения индекс доверия увеличивается до 60% (в России – лишь до 42%). Эта социальная группа представляется исследователям своего рода *социальным авангардом*, желаемой моделью будущего общества в целом. В то же время такие разные в политическом, экономическом и культурном измерении страны, которые не принято считать образцами демократии и рыночного капитализма, – Китай (73%), ОАЭ (66%), Сингапур (64%), Индия (65%), Индонезия (62%) – демонстрируют наибольшие показатели институционального доверия. Парадоксально, но в группу стран с высоким уровнем общего институционального доверия не вошла ни одна из западных демократий, отличающихся высоким уровнем межличностного доверия [Edelman 2016].

Таким образом, само расширение ценностно-институционального пространства позднего Модерна и формирование инфраструктуры *открытого общества* (К. Поппер), или *общества открытого доступа* (Д. Норт), являются лишь возможностью, но отнюдь не судьбой множества обществ, обозначенных на политической карте мира. А расширение рынка не всегда ведет к автоматическому усилению демократии и доверия. Более того, как показывает пример России, даже достигнутые ранее ценностно-институциональные уровни развития могут быть существенно нивелированы в рыночной ситуации. Такая ситуация не является спецификой России, так как прямолинейным фукуямовской логике *конца истории* и всеобщему торжеству *постматериальных ценностей* (Р. Инглхарт) противоречит тот простой факт, что за пределами немногочисленных стран центра капиталистической миросистемы продолжают сохраняться структуры *естественного государства* (Д. Норт), в которых конкурентный рынок, в том числе в его политическом изводе, выраженном метафорой *политического рынка*, не является доминантой общественных коммуникаций.

Поэтому в глобальном контексте представляется, что Россия – это *нормальная страна*, которую можно репрезентативно рассматривать в широком сравнительном контексте. Российское общество в целом подчиняется тем же закономерностям, что и другие общества в аналогичном положении [Шлейфер, Трейзман 2004]. Материалы межстрановых сравнений свидетельствуют, что российское общество практически не двигается в сторону постматериальных ценностей, расширяющих круги доверия: «...у россиян слабее, чем у большинства европейцев, выражены надличные ценности заботы, толерантности, равенства и, наоборот, сильнее, чем у большинства европейцев, проявляются ориентации на конкурентные ценности личного успеха, власти и богатства, характерные для “игры с нулевой суммой”»

[Магун, Руднев 2010: 48]. Измерение ценностного профиля россиян показывает большую приверженность к индивидуализму в сравнении с населением большинства европейских стран при низком уровне социальной солидарности, тесно связанной с доверием [Магун, Руднев 2010: 22]. Рассматривая трудности прямого переноса западных *универсальных* теорий на отечественные реалии, можно отметить низкую релевантность универсальных, экономикоцентричных подходов к изучению доверия в обществах, культурно отличных от тех, где эти подходы формировались. В контексте исторически сильных ценностей неформального доверия в малых, закрытых группах модели рационального человека экономического в современной России работают слабо, а статистически фиксируемое доверие (в особенности к современным институтам) является лишь неустойчивой *игрой в доверие*, готовой при любом негативном изменении обернуться истинным тотальным недоверием.

Рентно-сословный откат закономерно сопровождается расширением домодерных и антимодерных ценностей в виде разного рода локальных (сословных) моралей, легитимируемых их ролью в сохранении стабильности. Но это стабильность естественного государства и рентно-сословного общества, в контексте которых область рыночных отношений, элементов демократии и части общества, включенной в подобные обмены, образует достаточно тонкую оболочку, лишь симулирующую искомую модерность [Кордонский 2010: 7]. Фактически за постсоветский период в России не сформировалось влиятельных современных социальных сил в политике, экономике и культуре. Доминирующие российские политические дискурсы демонстрируют архаичные этики добродетелей и ситуативного прагматизма, но только не универсализирующую этику принципов, позволяющую поддерживать существование сложносоставных обществ в глобальном контексте [Мартьянов, Фишман 2016].

В настоящее время культура доверия скорее привносится в нынешнюю Россию извне, что лишней раз свидетельствует о нарастании периферийности в отношении выработки общезначимой морали и ценностей в масштабах человечества. Фактически из транслятора множества универсальных ценностей, каким был СССР, Россия превратилась в место производства адаптационных сословных моралей. Функциональными становятся идентичности более мелкого порядка, которые можно назвать *новыми сословиями*, чьей основной заботой являются привычная борьба за ресурсные потоки, ренту и избавление от обязательств перед другими сословиями [Кордонский 2008]. Новое сословное общество воскрешает недоверие и неравенство. *Это все еще довольно универсальная христианская мораль для всех в частной, приватной и семейной сфере при резкой дифференциации морали, публичных политических и экономических прав и свобод людей посредством принадлежности к новым сословиям.*

Функциональное упрощение публичного пространства приводит к тому, что вместо развития доверия традиционалистский политический порядок может рассчитывать лишь на формальную лояльность государству. Более того, *элиты пытаются выстроить политическую конфигурацию, где*

люди, в массе своей не доверяющие друг другу, будут компенсировать это взаимное отчуждение и подозрение доверием к гоббсовскому Левиафану всего лишь по той причине, что оно осуществляет функцию гаранта политического порядка как меньшего из возможных зол. В данном контексте статистика высокого доверия не обезличенным институтам и правилам, а конкретным персонам, представляющим государство (президент, премьер-министр), свидетельствует о сохранении в России *естественного государства*, олицетворяющего домодерное состояние общества с относительно неизменной и иерархической социальной структурой [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. В сравнении с советским периодом можно наблюдать снижение вертикального доверия к десакрализованному государству, которое не получает компенсации в виде низового общественного доверия. Отсутствие широкой общественной конвенции относительно универсальных гражданских, правовых, моральных норм определяет общую институциональную слабость политического порядка, когда прагматичное целерациональное поведение людей доминирует над ценностным, а персоналии превалируют над институтами: «...представления, присущие Периферии, были приняты Центром как системообразующие символические структуры; тем самым функциональные отношения Центр – Периферия оказались радикально перевернуты: провинциальные, вторичные по своей идеологии лидеры, институты и политические программы (исполнительная власть, полицейский контроль, распределение) оказались символами целого, определяющими характер, приоритеты и цели для всей общественной системы (возвращение к прошлому, восстановление *великой державы*). При этом собственно функции Центра – артикуляция ценностей и целеполагание (а также их механизмы: открытые дискуссии, политические партии, парламент) – были подавлены и остались в рудиментарном, недоразвитом состоянии» [Гудков 2012б: 7]. Это ведет к нарастанию неодновременности страны, выраженной и ценностно, и поколенчески, и территориально-географически.

Условия и потенциальные факторы расширения доверия. Несмотря на снижение институционального и межличностного доверия, обусловленное доминированием *антимодерного консенсуса*, в российском обществе преимущественно на базе сети крупных мегаполисов вызревают альтернативные ценностные конвенции современной части российского общества. Механизмы межличностного и институционального доверия приобретают особое значение в крупных городах как ключевых коммуникационных и ресурсных узлах современных обществ [Фукуяма 2004]. Дефициты и лакуны институционального регулирования сетевого взаимодействия граждан заполняются опережающим и рискованным фоновым доверием участников коммуникаций: «...межличностное доверие является решающим условием эффективного взаимодействия социальных сетей... Социальные сети фактически функционируют как клубы, где интерперсональные контакты принимают форму не парных взаимодействий, но общего сетевого взаимодействия» [Алексеев и др. 2007: 13]. Сетевые, рыночные и иные взаимодействия естественным образом стремятся к автономии, ускользая из-под контроля государства и все чаще оппонируя последнему. Поэтому они вхо-

дят во все более сильное противоречие с институциональными практиками рентно-сословных элит, пытающихся опереться на лояльное домодерное и антимодерное большинство. Если со всеми оговорками по поводу условности подобного сравнения отождествить анти- и домодерное большинство с людьми, *склонными не доверять в межличностном общении*, то их доля составит 66,2% населения России, в то время как среди стран-лидеров Индекса человеческого развития (ИЧР) доля не доверяющих распределяется следующим образом: в Нидерландах – 32%, в Швеции – 37,2%, в Австралии – 47,8%, в Германии – 53,8% [World Values Survey...]. Таким образом, статистика фиксирует наличие положительной корреляции между уровнем доверия людей друг к другу и общим развитием общества [Гудков 2012б: 16].

Однако само по себе доверие оказывается невозможным вне сильной институциональной среды, поддерживающей современные нормы взаимодействия, формируемые поверх семейно-родственных, клановых, соседских, производственных типов непосредственной социальной коммуникации. Эти нормы предполагают переход к рефлексивной социальности, в отличие от инструментального поведения, характеризуемого неизменной лояльностью господствующим политическим, правовым и экономическим нормам и институтам. *Поэтому запрос на реальную модернизацию является одновременно запросом на иную институциональную среду*. Массовые протесты по итогам выборов в Госдуму–2011 впервые артикулировали не материальные, а именно нормативные и моральные требования современных социальных групп к элитам. Представители городского среднего и *креативного классов*, «...являясь, конечно, не самыми обездоленными, ощутили, что существующий порядок в силу своей несправедливости лишает их перспектив дальнейшего роста, что их возможности больше не будут расширяться, ибо “все уже поделено”» [Фишман 2012: 232]. При этом, несмотря на явное расширение позднемодерных ценностей и практик в крупных городах, российские властные элиты, наоборот, все активнее действуют в рамках патрон-клиентской, неопатримониальной политической модели, когда доверие и обязательства распространяются только на локальный круг *своих*, но не становятся долгосрочными обезличенными правилами и институты для всего общества [Мартьянов 2010]. Система управления попадает в зависимость от личных взаимодействий при слабости формальных институциональных правил. В обществе не совершается *институционализация доверия*, его обезличивание и распространение. Доверие не превращается во всеобщую ценность, составляющую основу прав и институтов, автономных от сиюминутных интересов элит.

В России отношения доверия, детерминированные особенностями накопления и эволюции социального капитала, имеют отчетливое географическое распределение, во многом определяемое территориально-отраслевой структурой советской экономики. Сеть крупных российских мегаполисов содержит большую концентрацию носителей современного социального капитала, характеризуется более высоким уровнем доверия населения. В то же время сельская местность и малые города, в которых сосредоточена значительная часть субъектов домодерного и антимодерного социального

капитала, демонстрируют более низкий уровень межличностного доверия. Оптимистичный прогноз эволюции социального капитала российского общества состоит в том, что «...на 30% образованного и модернизированного населения крупнейших городов, которому нужны современные “правила игры”, приходится 34% жителей села, поселков и малых городов. Между ними зависли менее крупные города-центры и средние индустриальные города “второй России”... Казалось бы, вот она, столь любезная нынешнему политическому режиму стабильность. Однако и властям, и читателям нужно помнить законы физики: удельный вес мозгов выше. Раньше или позже “первая Россия” перевесит» [Зубаревич 2012: 64].

Вопреки подобному оптимизму следует отметить, что весь постсоветский период демонстрирует относительную неизменность стратегических ориентиров в области доверия, хотя между экономическими кризисами количество людей, доверяющих другим имеет тенденцию к увеличению с 21% в 2005 г. до 33% в 2015 г. [Общественное мнение 2016: 21]. Данный показатель связан с ростом доли населения, способного к долгосрочному планированию своей жизни, которое предполагает как усложнение социальных связей, так и рост предсказуемости и уверенности в них: если в 1991 г. планировали свою жизнь более чем на год 19% опрошенных, то в 2012-м – 49% [Общественное мнение 2016: 19]. С другой стороны, в целом пространство доверия в обществе несводимо только к межличностному. И оно скорее уменьшается, нежели показывает тенденции к расширению. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что в трудных жизненных ситуациях на близкий социальных круг – только на себя, родственников и друзей – в кризисном 1994 г. рассчитывали 85% населения, а в благополучном 2012 г. уже – 94%. Число ожидающих возможной помощи государства снизилось за тот же период с 8% до 4%, помощи предприятия, места работы, – с 8% до 2%. При этом число ожидающих помощи от профсоюзов, благотворительных организаций, церкви и иных самоорганизующихся структур гражданского общества близко к нулю [Общественное мнение 2012: 59]. Таким образом, институциональное доверие в новой России очевидно слабее, чем в СССР. В то же время межличностное доверие, избавившись от советской подозрительности, в условиях слабых институтов не вышло за пределы реципрокных связей семейно-родственного круга.

Таблица

Типология распределения доверия в российском обществе

Типы доверия	Институциональное <i>низкое</i>	Институциональное <i>высокое</i>
<i>Межличностное низкое</i>	Современная Россия	СССР
<i>Межличностное высокое</i>	Россия в среднесрочной перспективе (позитивный прогноз)	Позднемодерные общества (долгосрочный тренд)

Согласно типологии, приведенной в таблице, СССР характеризовался высоким институциональным доверием при дефиците межличностного доверия как результате тотального регулирующего проникновения государства в сферу частной жизни своих граждан. В качестве реакции на подобное вмешательство распространяются всеобщая подозрительность, постоянный взаимный контроль, *двоемыслие*, доверие локализуется в неформальных, локальных группах. В современной России «низкое доверие в социальной сфере (к “незнакомым людям”) говорит об отсутствии формальных институциональных норм регуляции – права, морали, гражданских институтов. Узкий радиус межличностного доверия компенсирует институциональные дефициты, но со своей стороны стерилизует потенциал универсализма и модерности» [Гудков 2012а: 28]. Поэтому оказывается, что «более продуктивны модели “человека советского” (с присущими ему свойствами двоемыслия, лукавства, демонстративной лояльности, пассивной адаптации) или традиционалистского, ксенофобского, настороженно относящегося ко всему новому и незнакомому» [Гудков 2012а: 18]. В целом подобная позиция согласуется с результатами исследований П. Козыревой, согласно которым при стабильно работающих современных институтах растущее значение придается личным качествам (честность, трудоспособность, порядочность – составляющие социального капитала), а в условиях институционального недоверия повышается оценка значимости участия людей в распределении ресурсов (власть, богатство, профессиональные и родственные связи) [Козырева 2009].

Социальное равновесие в постсоветском обществе устанавливается за счет доминирования социальных групп с патерналистскими установками, антимодерным социальным капиталом. Это рентозависимые от государства бюджетники, пенсионеры, правоохранители, инвалиды, аграрии и т.д. [Rose 2000]. В общей структуре денежных доходов российского населения, фиксируемой Росстатом, доля зарплаты снизилась с 74,4% в 1990 г. до 41,6% в 2014 г. За тот же период доля предпринимательских доходов, ради которых и затевались все рыночные реформы, выросла лишь с 3,7% до 8,4%. Однако доля социальных выплат населению государством растет – с 14,7% до 18%, превышая наивысший советский показатель в 16,4% [Росстат]. По оценкам Л. Гудкова, «...20% всего населения принадлежат к типу наиболее модернизированной и развитой среды крупных городов, 35-40% – к антимодерному типу и 20-25% приходится на домодерную, традиционалистскую Россию» [Гудков 2012б: 28]. Равновесие антимодерного консенсуса стабилизируется и за счет довольно высокого уровня доверия населения к монопольным институтам легального насилия на фоне прагматично низкой оценки их реальной эффективности. В силу их безальтернативности людям психологически проще смириться с их неэффективностью и нереформируемостью (армия, полиция, исполнительная власть, президент) в сравнении с неизведанной сложностью институтов организации социального порядка, которые повышают свою нормативную, регулирующую роль в условиях Модерна (парламенты, суды, гражданские ассоциации, бизнес и т.п.).

Согласно опросам, институциональное доверие в России тем выше, чем ниже уровень доходов и образования и меньше населенный пункт проживания респондента. Удаленность от центров принятия решений и власти и пожилой возраст граждан способствуют росту институционального доверия. Таким образом, люди с наименьшим социальным капиталом демонстрируют преимущественное доверие к российским институтам, что позволяет говорить о том, что модель этого доверия является патриархальной, подданнической, в то время как современные слои общества оценивают свое доверие в рамках гражданской модели [Сасаки и др. 2010]. Люди с высоким социальным капиталом не проявляют доверия к российским общественным институтам, хотя демонстрируют больший уровень межличностного доверия. Согласно данным «Фонда общественного мнения» (ФОМ), в основном склонны к доверию материально обеспеченные жители крупных городов 30-40 лет, что в целом совпадает с выводами *барометра доверия Эдельмана* [Доверие и взаимопомощь... 2013]. (Следует отметить, что ФОМ и «Эдельман» по-разному формулировали вопрос о доверии и возможные градации ответов респондентов, что не позволяет напрямую сравнивать полученные результаты.) *Указанный парадокс в расхождении разных типов доверия в российских реалиях свидетельствует о разрыве между наиболее модернизированной частью общества и ее запросами к организации политического порядка – и неопатримониальными элитами, до- и антимодерными социальными группами и институтами, составляющими основу этого порядка.* Данное противоречие, существуя в экономическом, культурном, поколенческом и даже географическом измерении, представляется наиболее вероятным катализатором будущих социальных трансформаций российского общества.

В частности, результаты политических выборов демонстрируют высшую поддержку текущего социально-политического порядка в экономически наименее развитых регионах, являющихся не только оплотом патриархальной политической культуры и авторитаризма, но и неизменными получателями федеральных дотаций при минимальных показателях собираемости налогов и подушевого вклада населения регионов в экономику страны [Иноземцев 2013]. В то же время наиболее модернизированная часть населения, представленная сетью крупных российских мегаполисов, интенсивно включенных в рынок, артикулирует меньший уровень лояльности *антимодерному консенсусу*, хотя в условиях роста патернализма и экономической зависимости от государства идеологические и ценностные различия ключевых социальных групп постепенно сглаживаются [Гудков, Зоркая, Овакимян 2014]. В целом попытки неопатримониальных элит закрепить свою легитимность посредством ставки на периферийные, до-модерные регионы и экономически зависимые от государства социальные слои (бюджетники, пенсионеры, военные, сотрудники госмонополий и др.) оборачиваются ростом неодновременности и гетерогенности социально-политического пространства России. А нарастающие региональные и социальные расколы в случае обострения внутренних и внешних угроз приведут к поляризации и конфликту внутри элит.

Относительно перспектив на *ближайшее будущее* полагаем, что доминирование антимодерных сил в обществе не может быть вечным. Более того, ценности стабильности и порядка в основе антимодерного консенсуса перестают быть доминирующими, уже не оправдывая подавления альтернативных ценностей и характеризуя этот консенсус как временное явление. Массовая общественная повестка все сильнее начинает определяться запросом разных социальных групп на автономию и увеличение пространства постматериальных социально-политических и экономических прав и свобод: «...люди хотят повышения качества публичных благ, повышения уровня безопасности и гарантий, прежде всего – правовых, большей предсказуемости и равенства возможностей. При этом у них нарастает ощущение, что эти цели не могут быть достигнуты в рамках модели “беневоленного авторитаризма” и требуют возвращения к более сбалансированной системе, опирающейся на механизмы сдержек и противовесов» [Рогов 2012: 27].

Таким образом, представляется, что Россия благодаря укреплению модерных социальных групп *снизу* может переместиться на позиции общества относительно высокого уровня межличностного доверия при сохранении низкого уровня институционального доверия в силу инерции и даже involюции рентно-сословного политического порядка, который ориентируется на поддержку российской периферии и бюджетно-зависимых слоев населения. Указанные тенденции являются конфликтными, и в случае реализации подобной траектории общественных изменений данная конфигурация доверия – высокое межличностное/низкое институциональное – будет весьма неустойчивой, отражая растущий запрос образованной и экономически активной части населения на институциональные изменения, который непатримониальное государство не способно удовлетворить.

* * *

Межличностное доверие в современных обществах функционально зависимо от институционального (или генерализованного) доверия как фонового условия всех иных форм доверия. Поэтому опережающее развитие межличностного доверия *снизу* в виде разнообразных неустойчивых сетевых моделей, формирования модерной социальной структуры, расширения активных групп населения не может быть успешным без соответствующей трансформации государства и политического порядка, так как именно государство в контексте институционального регулирования ожидаемого социального поведения большинства гарантирует воспроизводство рутинных общественных практик, структурирующих предсказуемость возможных социальных действий и ситуаций и, как следствие, определяющих расширение кругов доверия.

Представляется, что любые варианты позднемодерной *органической модернизации*, связанной с активизацией ресурсов человеческого и социального капитала, могут осуществляться, только имея в качестве своего ядра ценностное измерение, обусловленное институциональным расширением и закреплением доверия в обществе. Потенциальный поворот

российского общества от сословных к позднемодерным ценностям предполагает два базовых условия. Во-первых, смену поколений, так как ценностный код, который большинство людей получает в процессе социализации и взросления, демонстрирует свою относительную устойчивость на протяжении всей жизни. Поскольку динамика общественных ценностей прямо коррелирует со сменой поколений, значительную важность в дискурсе будущего приобретают ценностные констелляции, преобладающие в молодежной среде. Эти ценности, как показывают социологические замеры, довольно далеки от постматериальных трендов, приписываемых молодым поколениям сторонниками наступления постэкономического или посткапиталистического общества [Гудков, Дубин, Зоркая 2011]. В частности, индивидуальные права и свободы оцениваются молодежью не как предмет постоянного отстаивания, а как нечто объективно и априорно данное, что закономерно влечет опасность их утраты.

Во-вторых, обновление ценностей связано с радикальным преобразованием или отменой институтов и практик, поддерживающих старые ценности. Новые общественные ценности должны быть легитимированы институционально. Безусловно, подобная ситуация является идеал-типической, в реальности разные поколения, типы ценностей, практик и институтов значительное время могут функционировать параллельно, образуя довольно устойчивые и эффективные институциональные гибриды. Новейшие опыты успешных преобразований в целом подтверждают стратегию достаточно быстрой и необратимой институциональной трансформации. На постсоветском пространстве пример наиболее радикальной деbüroкратизации государства и либерализации экономики дает Грузия [Буракова 2011]. Однако при несомненных кратковременных успехах лишь в течение ближайших десятилетий станут известны долгосрочный эффект и степень необратимости преобразований, предпринятых в сфере государственного управления, экономики и отношений органов власти с гражданами.

В умеренно оптимистической среднесрочной перспективе для российского общества наиболее вероятен тренд, ассоциирующийся с естественным ростом социальных групп, ориентированных на современный социальный капитал, при сохранении архаизированных социально-политических институтов. Общие условия модернизации предопределяют расширение межличностного доверия и низовой институционализации элементов гражданского общества, прежде всего на уровне первичных социальных сетей (соседские общины, волонтерские движения, клубы по интересам и т.д.). Этот рост может происходить вопреки доминирующим социальным силам и институциональному давлению, направленному на сохранение статус-кво. В долгосрочной перспективе рост межличностного доверия неизбежно трансформируется в требование модернизирующих изменений общего институционального каркаса российского общества в глобальном контексте позднего Модерна.

Негативные контртенденции данному сценарию связаны с редукцией среднего класса и современных социальных групп, черпающих ресурсы

преимущественно в рынке. В условиях отказа от советской, альтернативной модели Модерна и последующего отката российского общества на экономическую (полу-)периферию капиталистической миросистемы сама модерность и поддерживающие ее институты и социальные группы становятся неустойчивыми. В условиях наблюдаемой *инволюции* модерные институты и социальные группы уже не вырастают из прогресса, модернизации и естественного хода развития общества, а, наоборот, оказываются чересчур зависимыми от внешних факторов (в частности, ресурсной ренты), что обуславливает их паллиативный, если не откровенно симулируемый характер.

Это следствия *рентно-сословного сдвига* в социальной стратификации, обусловленные тем, что в условиях сокращения поступлений от природной ренты российские регионы переходят к модели выживания, в которой автономия и значение рыночных обменов сужаются на фоне иерархических механизмов распределения сократившихся ресурсных потоков государством. В условиях высокого уровня ренты модерная оппозиция рентно-сословному политическому порядку и элементы рынка возникали сами собой, как закономерное побочное явление. В настоящее время эти тенденции оказываются во многом приостановленными, а сам рынок и модерные группы внезапно обнаруживают свое зависимое положение от тех немодерных, сословно-рентных институтов, практик и субъектов, которое они стремились преодолеть. В результате в российском обществе сохраняется *двойной механизм социальной регуляции*, где модерные институты, ориентированные на расширение доверия, сосуществуют с доминирующими рентно-сословными институтами, которые ориентированы на базовую стратегию недоверия. И изменение соотношения этих механизмов регуляции будет являться предметом перманентной политической борьбы в обозримой перспективе, определяя рентно-сословную или рыночно-модерную колею российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеевкова Е.С. и др. 2007. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей / Алексеевкова Е.С., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Сергеев В.М. // ПОЛИС : Полит. исслед. № 2. С. 8-17.

Бессонова О.Э. 2008. Институциональная модель российской экономики: ретроспектива и современный вектор развития // Экономическая наука современной России. № 4. С. 28-40.

Буракова Л. 2011. Почему у Грузии получилось. М. : Юнайтед пресс. 271 с.

Гудков Л. 2012а. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестн. обществ. мнения. № 2. С. 8-47.

Гудков Л. 2012б. Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. № 3. С. 6-31.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. 2011. Молодежь России. М. : Моск. шк. полит. исслед. 96 с.

Гудков Л.Д., Зоркая Н.А., Овакимян А.Г. 2014. Городской класс: потенциал адаптации или готовность к изменениям // Вестн. обществ. мнения. № 3/4. С. 80-117.

Доверие и взаимопомощь в нашем обществе. Можно ли доверять людям? И нужно ли им помогать? [Электронный ресурс] 2013 // ФОМ : интернет-сайт. URL: http://fom.ru/obshchestvo/10964#tab_01 (дата обращения: 15.01.2017).

Едовина Т. 2014. Две пятых государства отдыхают в тени // Коммерсант. 28 мая.

Зубаревич Н. 2012. Современная Россия: география с арифметикой // Отецеств. записки. № 1. С. 55-64.

Иноземцев В. 2013. Зона особого режима // Профиль. 26 авг.

Козырева П. 2009. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // СОЦИС : Социолог. исслед. № 1. С. 43-54.

Кордонский С.Г. 2008. Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение». 216 с.

Кордонский С.Г. 2010. Россия. Поместная федерация. М. : Европа. 312 с.

Магун В.С., Руднев М.Г. 2010. Базовые ценности–2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 52 с.

Мартьянов В.С. 2010. Инволюция элиты в обществе Модерна // Полит. экспертиза : ПОЛИТЭК. Т. 6, № 3. С. 34-56.

Мартьянов В.С. 2014. Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 84-97.

Мартьянов В.С. 2016. Рентная демократия // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 16, вып. 3. С. 41-60.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2016. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопр. философии. № 10. С. 58-68.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. 2011. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд. Ин-та Гайдара. 480 с.

Общественное мнение–2012. М. : Левада-Центр, 2012. 232 с.

Общественное мнение–2015. М. : Левада-Центр, 2016. 308 с.

Рогов К. 2012. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. № 5. С. 6-32.

Розмаинский И.В. 2007. «Homo post-soveticus»: основные характеристики экономического поведения с точки зрения институционального посткейнсианского подхода // Экон. вестн. Рост. гос. ун-та. № 1. С. 28-40.

Росстат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 15.01.2017).

Ротштейн Б. 2017. Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния. Рос. акад. наук. Т. 17, вып. 1. С. 35-58.

Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. 1998. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М. : Совпадение. 368 с.

Сасаки М. и др. 2010. Доверие в современной России (компаративистский подход к социальным добродетелям) / Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкина Г.Ф. // Вопр. экономики. № 2. С. 83-101.

Селигмен А. 2002. Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М. : Идея-Пресс. 256 с.

Тощенко Ж.Т. 2014. Экономическое сознание и поведение россиян: противоречия и парадоксы. 25 лет спустя // Альтернативы. № 1. С. 145-159.

Фишман Л. 2012. Зимние протесты: от «групп населения» к новым классам? // Неприкоснов. запас. № 2. С. 224-232.

Фукуяма Ф. 2004. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М. : АСТ : Ермак. 730 с.

Хархордин О. 2002. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб. : Европ. ун-т в Санкт-Петербурге : Летний Сад. 511 с.

Шлейфер А., Трейзман Д. 2004. Россия – нормальная страна // Россия в глобальной политике. № 2. С. 30–52.

Algan Y., Cahuc P. 2010. Inherited Trust and Growth // American Economic Rev. Vol. 100, № 5. P. 2060–2092.

Edelman Trust Barometer, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2016-edelman-trust-barometer/global-results> (дата обращения: 15.01.2017).

Rose R. 2000. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre- Modern, and Anti-Modern // Post-Soviet Affairs. № 16. P. 33–57.

World Values Survey wave 6 (2010–2014) (Aggregated Documentation) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 15.01.2017).

V. Martianov. *Doverie v sovremennoy Rossii: mejdu pozd-nim Modernom i novoy soslovnosti?* [Trust in contemporary Russia: between late modernity and new estate order?] // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 61–82. (in Russ.).

Victor S. Martianov, Candidate of Political Science, Vice-Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
E-mail: martianovy@rambler.ru

Article received 17.01.2017, accepted 15.02.2017, available online 01.04.2017.

TRUST IN CONTEMPORARY RUSSIA: BETWEEN LATE MODERNITY AND NEW ESTATE ORDER?

Abstract: In societies of Late Modernity, the role of interpersonal and institutional trust is growing. Growth is fundamental for the success of the popular concepts of organic modernization, post-material values, open access society, social capital, reduce transaction costs – increasingly important factors for the further development of humankind. These trends are possible within the fundamental conditions of the dominating market exchange and strong civil society. However, in the Russian context, the peripheral market formed by the reforms of the 1990s paradoxically did not create but rather destroyed the values and institutional background of Modern trust model for the majority of the population. Trends of statization of the society are associated with the compression of the middle class and modern social groups, deriving autonomy and resources primarily in the market and civil structures. Rental-estate shift in the social stratification is catalyzed by the fact that in a crisis model of survival the autonomy of market exchange is shrinking amid

strengthening of hierarchical state allocation mechanisms diminishing resource flows. Rental-caste elites build socio-political configuration, in which citizens who do not really trust each other will compensate mutual alienation by allocating trust in the state and its agents, and thus forming a specific anti-modern consensus. At the same time, people with high social capital do not show high confidence in the Russian institutions, having a higher level of interpersonal trust. Significant divergence of trust types in different social groups points to a fundamental gap. It is a conflict between the most modernized part of the community and its vision of the organization of social and political order, and elites deliberately seeking to support rent-estate social order and associated pre- and anti-modern social groups. This contradiction is considered as the main catalyst for the future social transformation of the Russian society, being evident in the economic, cultural, generational and even in the geographical dimension.

Keywords: anti-modern consensus, state, trust, conflict, modernization, post-materialist values, market, social capital, stratification.

References

Alekseenkova E.S., Kuzmin A.S., Nechaev V.D., Sergeev V.M. *Doverie i prostranstvennoe vzaimodeystvie sotsial'nykh setey* [Confidence and Spatial Interaction of Social Networks], *POLIS: Polit. issled.*, 2007, no. 2, pp. 8-17. (in Russ.).

Algan Y., Cahuc P. Inherited Trust and Growth, *American Economic Review*, 2010, vol. 100, no. 5, pp. 2060-2092.

Bessonova O.E. *Institutsional'naya model' rossiyskoy ekonomiki: retrospektiva i sovremennyy vektor razvitiya* [Institutional Model of the Russian Economy: A Retrospective and a Modern Vector of Development], *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 2008, no. 4, pp. 28-40. (in Russ.).

Burakova L. *Pochemu u Gruzii poluchilos'* [Why did Georgia succeed], Moscow, Yunayted press, 2011, 271 p. (in Russ.).

Doverie i vzaimopomoshch' v nashem obshchestve [Trust and Mutual Assistance in Our Society], available at: http://fom.ru/obshchestvo/10964#tab_01 (accessed 15 January 2017). (in Russ.).

Edelman Trust Barometer, 2016, available at: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2016-edelman-trust-barometer/global-results> (accessed 15 January 2017).

Edovina T. *Dve pyatykh gosudarstva otdykhayut v teni* [Two-Fifths of the State are resting in the Shadows], *Kommersant*, 2014, 28 May. (in Russ.).

Fishman L. *Zimnie protesty: ot «grupp naseleniya» k novym klassam?* [Winter Protests: From "Groups of the Population" to New Classes?], *Neprikosn. zapas*, 2012, no. 2, pp. 224-232. (in Russ.).

Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity], Moscow, ACT, Ermak, 2004, 730 p. (in Russ.).

Gudkov L. «Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura [“Trust” in Russia: Meaning, Functions, Structure], *Vestn. obshchestv. mneniya*, 2012, no. 2, pp. 8-47. (in Russ.).

Gudkov L. *Sotsial'nyy kapital i ideologicheskie orientatsii* [Social Capital and Ideological Orientations], *Pro et Contra*, 2012, no. 3, pp. 6-31. (in Russ.).

Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. *Molodezh' Rossii* [The Youth of Russia], Moscow, Mosk. shk. polit. issled., 2011, 96 p. (in Russ.).

Gudkov L.D., Zorkaya N.A., Ovakimyan A.G. *Gorodskoy klass: potentsial adaptatsii ili gotovnost' k izmeneniyam* [Urban Class: The Adaptation Potential or Readiness for Change], *Vestn. obshchestv. mneniya*, 2014, no. 3/4, pp. 80-117. (in Russ.).

Inozemtsev V. *Zona osobogo rezhima* [Zone of a Special Regime], *Profil'*, 2013, 26 August, (in Russ.).

Kharkhordin O. *Oblichat' i litsemerit'. Genealogiya rossiyskoy lichnosti* [To Revile and Hypocrite. Genealogy of the Russian Personality], St. Petersburg, Evrop. un-t v Sakt-Peterburge, Letniy Sad, 2002, 511 p. (in Russ.).

Kordonskiy S.G. *Rossiya. Pomestnaya federatsiya* [Russia. The Seigniorial Federation], Moscow, Evropa, 2010, 312 p. (in Russ.).

Kordonskiy S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii* [The Class Structure of Post-Soviet Russia], Moscow, In-t Fonda "Obshchestv. mnenie", 2008, 216 p. (in Russ.).

Kozyreva P. *Mezhlichnostnoe doverie v kontekste formirovaniya sotsial'nogo kapitala* [Interpersonal Trust in the Context of the Formation of the Social Capital], *SOTsIS : Sotsiolog. issled.*, 2009, no. 1, pp. 43-54. (in Russ.).

Magun V.S., Rudnev M.G. *Bazovye tsennosti–2008: skhodstva i razlichiya mezhdru rossiyanami i drugimi evropeytsami* [Basic Values-2008: Similarities and Differences Between Russians and Other Europeans], Moscow, Izd. dom Gos. un-ta – Vyssh. shk. ekonomiki, 2010, 52 p. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Global'nyy Modern, postmaterial'nye tsennosti i periferiynny kapitalizm v Rossii* [Global Modernity, Postmaterial Values and Peripheral Capitalism in Russia], *POLIS : Polit. issled.*, 2014, no. 1, pp. 84-97. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.01.06>

Martyanov V.S. *Involutsiya elity v obshchestve Moderna* [The Elite's Involution in the Society of Modernity], *Polit. ekspertiza : POLITEKS*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 34-56. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Rentnaya demokratiya* [Rental Democracy], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 41-60. (in Russ.).

Martyanov V.S., Fishman L.G. *Etika dobrodeteli dlya novykh sosloviy: transformatsiya politicheskoy morali v sovremennoy Rossii* [The Ethics of Virtue for the New Classes: the Transformation of Political Morality in Modern Russia], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68. (in Russ.).

North D., Wallis D., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting the Written History of Humanity], Moscow, Izd. In-ta Gaydara, 2011, 480 p. (in Russ.).

Obshchestvennoe mnenie – 2012 [Public opinion – 2012], Moscow, Levada-Tsentr, 2012, 232 p. (in Russ.).

Obshchestvennoe mnenie – 2015 [Public opinion – 2015], Moscow, Levada-Tsentr, 2016, 308 p. (in Russ.).

Rogov K. *Politicheskie tsikly postsovetskogo tranzita* [Political Cycles of Post-Soviet Transit], *Pro et Contra*, 2012, no. 5, pp. 6-32. (in Russ.).

Rose R. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre- Modern, and Anti-Modern, *Post-Soviet Affairs*, 2000, no. 16, pp. 33-57.

Rosstat, 2016, available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (accessed 15 January 2017). (in Russ.).

Rotshteyn B. *Korrupsiya i obshchestvennoe doverie: pochemu ryba gniet s golovy* [Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya. Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5-58 (in Russ.).

Rozmainskiy I.V. «*Homo post-soveticus*»: osnovnye kharakteristiki ekonomicheskogo povedeniya s tochki zreniya institutsional'nogo postkeynsianskogo podkhoda [“Homo Post-Soveticus”: The Main Characteristics of Economic Behavior from the Point of View of

the Institutional Post-Keynesian Approach], *Ekon. vestn. Rost. gos. un-ta*, 2007, no. 1, pp. 28-40. (in Russ.).

Rukavishnikov V., Khalman L., Ester P. *Politicheskie kul'tury i sotsial'nye izmeneniya: mezhdunarodnye sravneniya* [Political Cultures and Social Changes: International Comparisons], Moscow, Sovpadenie, 1998, 368 p. (in Russ.).

Sasaki M., Davydenko V.A., Latov Yu.V., Romashkina G.F. *Doverie v sovremennoy Rossii (komparativistskiy podkhod k sotsial'nym dobrodetelyam)* [Trust in Modern Russia (Comparative Approach to Social Virtues)], *Voprosy ekonomiki*, 2010, no. 2, pp. 83-101. (in Russ.).

Seligmen A. *Problema doveriya* [The Problem of Trust], Moscow, Ideya-Press, 2002, 256 p. (in Russ.).

Shleyfer A., Treyzman D. *Rossiya – normal'naya strana* [Russia is a Normal Country], *Rossiya v global'noy politike*, 2004, no. 2, pp. 30-52. (in Russ.).

Toshchenko Zh.T. *Ekonomicheskoe soznanie i povedenie rossiyan: protivorechiya i paradoksy. 25 let spustya* [Economic Consciousness and Behavior of Russians: Contradictions and Paradoxes. 25 Years Later], *Al'ternativy*, 2014, no. 1, pp. 145-159. (in Russ.).

World Values Survey wave 6 (2010–2014) (Aggregated Documentation), available at: URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (accessed 15 January 2017).

Zubarevich N. *Sovremennaya Rossiya: geografiya s arifmetikoy* [Modern Russia: Geography with Arithmetic], *Otechestv. zapiski*, 2012, no. 1, pp. 55-64. (in Russ.).